

Читайте в серии:

ОБМАНУТЬ СУДЬБУ

ИСКУПЛЕНИЕ

ВОЛЧЬЯ ЯГОДА

СЧАСТЬЕ СО ВКУСОМ ПОЛЫНИ

ВЕДЬМИНЫ ТРОПЫ

РЯБИНОВЫЙ БЕРЕГ

Элеонора Гильм
РЯБИНОВЫЙ
БЕРЕГ

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г47

Иллюстрация на обложке *Юрия Щербакова*

Гильм, Элеонора.
Г47 Рябиновый берег : роман / Элеонора Гильм. —
Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-206890-4

Нютку, дочь Аксиньи и Степана Строганова, похитили два злыдня, и не найти ей спасения.

Как ни молила, как ни сулила золото-серебро от батюшки, продали Нютку казаку по прозвищу Страхолюд. И верно чудище: лицо изрезано саблей, сам угрюм и нежалостлив.

Увез ее в крохотный острожек, где живет горстка людей, где метели поют громкие песни. Тяжело пришлось Нютке — и в проруби ледяной захлебывалась, и бежала подальше от острога, и в лихорадке горела.

Только оказался тот берег не стылым — рябиновым. Течет Тура, а по берегам распускается рябинов цвет, горчит, манит...

Шестая книга цикла «Женская сага».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-206890-4

© Гильм Э., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

ЗИМОВЬЕ

1. Злыдни

Она вздохнула и поглядела на лаз, прикрытый снаружи деревянным, наспех сколоченным щитом. Прохладный ветер задувал в щели, словно дразнил ее. Забрал бы да унес домой... Век благодарила бы, на всех углах кланялась Астафию Ветряку¹.

Злыдни запрещали ей выходить, связывали, ежели противилась, точно могла она убежать.

Злыдни... Сама не знала, откуда взялось словечко. Только оно подходило как нельзя лучше двоим, что измывались над ней.

Спозаранку злыдни ушли то ли на охоту, то ли на ручей за водицей, наказав Нютке стряпать хлеб. А она вместо того сидела на лавке, пыталась развязать толстую веревку, от коей опухли ноги. И думала о судьбе своей несчастной.

Нютка поняла, отчего последний год в батюшкином доме снились ей дурные сны. Тяжелая цепь сдавливала шею, чудища ухмылялись и вели за собою в огненную реку. Все оттого, что нутром чуяла свое будущее.

Как счастливая жизнь дочки богача Степана Строганова превратилась в мучение? Руки расплетали-заплетали косу, а в голове проносились воспоминания.

¹ Астафий Ветряк — православный святой Евстафий Римский, 20 сентября (*здесь и далее даются даты по старому стилю*).

Да, сначала их предал батюшка. Уехал в Москву, чтобы жениться на девке, Нюткиной ровеснице. Разве так можно? Матушка стала сама не своя, улыбалась, утешала дочек и всех вокруг, а в глазах ее плескалась тоска.

Потом предала Лизавета, крестовая подруга. Упросила глупую Нютку: приведи матушку, повитуху да знахарку, чтобы уберегла меня да дитя. А Лизавета обвинила матушку в смертных грехах да в острог заточила.

Слезы сами собой полились из глаз, Нютка вытерла их грязным рукавом. Уж пора бы стать сильной. А она все ревет и ревет.

Потом строптивицу услали подальше от дома, к тетке Василисе, чтобы не наломала дров. А там... Многое претерпела у тетки, да все надеялась: придут хорошие вести из дома, вернется Нютка к родителям и заживет, словно ничего и не было¹.

Обманом забрали ее из дома тетки Василисы, посадили на коня да везли куда-то — через болота да грязь, через холодные реки и высокие горы².

Нютка не знала, сколько дней и ночей прошло с той поры. Пережитое сливалось в один ком боли, страха и неотступного желания оказаться за тридевять земель от сырого зимовья, двух злыдней и своего темного будущего.

— Злыдни, все равно сбегу! — сказала она, и стало чуть легче.

* * *

Обычная жизнь брала верх над невзгодами. Выпал первый снег, укрыл сухие листья и лишайники, припорошил ели. Лес словно обрядился на праздник. За окном щебетали воробьи,

¹ Жизненный путь Нютки и ее семьи описан в романах «Обмануть судьбу», «Искупление», «Волчья ягода», «Счастье со вкусом полыни», «Ведьмины тропы».

² Речь про Бабиновскую дорогу, которая соединяла Соль Камскую и Верхотурье.

благодаря солнцу, — хоть оно до весны боле не согреет землю. И Нютка решила радоваться тому, что встречает новый день и полна сил, хоть пытались ее сломить да лишить воли.

— А не выйдет, — сказала вслух и показала язык неведомо кому.

Она, узница, в этом жилище была за хозяйку. Злыдни чурались женской работы, заставляли стряпать, стирать и зашивать их вонючую одежду. «Помрите», — шептала она, пожалев, что не читала материну книгу. Может, там бы узнала, как расправиться с врагами, запомнила бы тайные слова, что сводят со свету.

За очагом, заменявшим в крохотном зимовье печку, стояла большая миска. В ней поднималось, будто живое, тесто. Нютка силилась вспомнить все премудрости. Завкаса — кус, что остался с прошлого раза, без нее ржаного каравая не выпечешь. Затвор, жидкое тесто, за ночь поднималось да опускалось при затопленном очаге. Мука, соль, да нужно бы ложку меда (его не сыскать, потому Нюткино тесто обходилось без сладости). Завернуть в лен, дать постоять — и на лопате в печь. У матушки, у Еремеевны, даже у Рыжей Анны ржаной хлеб выходил ладно. Ноздреватый, теплый да с таким запахом, что тотчас же просился в брюхо.

Нюткину стряпню даже злыдни не хотели есть, кривились, выбрасывали жженые корки. Она вздохнула, выскребла из миски липкое тесто и попросила Богородицу помочь глупой девке сотворить добрый хлеб.

Мила пташечка
По саду летела.
Мила пташечка
Звонку песню пела.
А мне нету волюшки,
Нет мне жизни, пташка!
Плачу, заливаюся,
Красная рубашка¹.

¹ Здесь и далее авторские песни, вдохновленные русским народным творчеством.

Песня, слышанная от Еремеевны — тяжкая, грустная, — всколыхнула душу. Допела ее Нютка, начала сызнава, всхлипнула да ужаснулась: ужели то ее судьба?

* * *

— Не выйдет с тебя жена. Только непотребная девка! — Третьяк ощерил зубы.

Нютка увидала, что меж ними торчало съеденное, и почувствовала дурноту.

Отцов слуга, Силуян Третьяк, когда-то слыл верным человеком. Он оставался в хоромах за старшего, смотрел за делами, кланялся матушке и Нютке. Да в прищуренных глазах, в узких губах, в загорелом лице было что-то сокрытое. Теперь поняла: то была ненависть.

— Ишь как Степка-то рычать будет, как волк бешеный. Его старшую дочку украли, в сонмище продали, — говаривал он и злобно ухмылялся.

Что за сонмище? Отродясь не слыхала о таком. Третьяк все говорил да говорил чудное словцо. А Нютка надеялась, что там девки спят да работают. И много их, оттого так названо.

Но что-то шептало ей: там иное.

— Аксинька, мать твоя, поди, померла уже. В обитель, к черным воронам ее посадили, каяться да молиться, — принимался воров за свое.

И Нютка хотела бы отрастить острые зубы и разодрать его, словно свирепая волчица.

Третьяк говорил много. Про неблагодарного хозяина, про ведьму Аксинью, про свою женку, что ждет его не дождется. Что скоро он отомстит обидчику и заживет припеваючи.

Ему вовсе не нужны были ответы. Не ждал их, повторяя вечер за вечером одно и то же, точил нож, выстругивал лучины или просто сидел, уставившись в стену.

А второй злыдень молчал, изредка кашлял, резко, отрывисто, будто цепной пес лаял. Не отвечал на шутки и подначивания Третьяка, даже слал его в далекие земли, тихо, сквозь зубы. Второй казался Нютке стариком: в бороде седина, двигается так, будто боится, что от быстроты рассыплется.

А потом он собирался на охоту, обматывал культю льняной тряпкой, брал ловушки и уходил так быстро, что Третьяк только рот успевал открыть.

Второй злыдень был странным, непонятным и оттого казался еще страшней Третьяка, что не скрывал своей мерзости.

На Нютку второй злыдень не глядел. Жил в зимовье так, словно пленницы вовсе нет. Но чуяла: ее присутствие раздражает злыдня.

Григорий Басурман. Как мало Нютка о нем знала! Деревенский кузнец, материн муж, тать, отрубивший руку бабюшке, — о том открыто не сказывали, но Нютка что подслушала, что выпросила.

Отчего же мать была такой скрытной? Стидилась своего прошлого? Считала Нютку малым дитем, коему непонятно многое? О том оставалось лишь сожалеть. Знала бы Нютка больше, может, сумела бы найти верный путь.

— Поди-ка сюда.

Она вздрогнула и посмотрела на главного злыдня. Третьяк развалился на лавке, кое-как прикрытой рогожей, раскинув ноги в стороны и сверкая красной вставкой меж портов. В его ухмылке, во взгляде Нютка почуяла нечто опасное, от чего бежать надобно на край света. Она поглядела на свои связанные веревкой ноги, на лаз, который отделял ее от свободы.

— Поди сюда! — повторил иначе, с угрозой, и даже стукнул кулаком по стене. — Кому велено!

Нютка приковыляла, склонила голову и одними губами пршептала: «Сдохни». И все то время, что стягивала с него

заскорузлые сапоги, разматывала грязные онучи — кашель настигал от смрада, — пока мыла его ноги теплой водицей, так и повторяла проклятие. Забыла посреди невзгод: желать смерти — великий грех.

Нютка сделала все, что велел Третьяк, взяла его сапоги, чтобы начистить топленным медвежьим салом, да только мучителю того было мало. Он стукнул по лавке: мол, сядь рядом.

Нютка, не выпуская из рук грязных третьяковских сапог, села на краешек. Ее сотрясала дрожь, она сама ощущала, как плечи ходят ходуном, как трясутся зеленые голенища. «Да угомонись же», — сказала самой себе. Но плоть не слушалась, она жила какой-то своей, трусливой жизнью, не исполняла Нюткиных повелений.

— Ишь как выросла девка. — Третьяк провел по ее щеке, стиснул ухо так, что налилось болью, ухватил за подбородок и потянул к себе, к своему смраду и тяжелому дыханию.

Нютка, позабывши о положении пленницы, взвизгнула и ударила его со всей мочи. Прямо в лицо, наглое, перекошенное, с открытым в ожидании ртом.

— Ах ты!..

Он выкрикнул похабное, гадкое, а Нютка уже ковыляла подальше, проклиная веревки, все прижимала к груди зеленые сапоги, словно они могли защитить от своего хозяина.

— Сейчас тебе устрою, строгановская дрянь.

С проклятиями и ругательствами он встал и, припадая на одну ногу, направился за Нюткой, точно дикий зверь за курочкой. Она оглядывала землянку: Басурман, вытянувшийся на лавке, стол, очаг, в углу свалено все — и сбруя, и сабли, и силки. Ежели выхватить что из кучи...

— Плакать у меня будешь. В ногах валяться!

Корявые пальцы впились в ее плечи, развернули к стене... И Нютка, давно не дитя, могла бы и замужем быть, представив, что сейчас сотворит поганый Третьяк — не от-

мыться, не очиститься, только в реку прыгнуть, — захныкала, будто обиженный котенок.

— Мамушка, помоги, — повторяла она вновь и вновь, брыкалась, извивалась, когда злыдень задирает юбки, скручивал веревкой руки, кусал шею. — Мамушка, мамушка...

— Оставь девку.

Голос показался невообразимо громким. Низкий, гулкий, будто колокол, и от силы его на миг замер мучитель, поганый Третьяк, что решил свершить насилие над дочкой самого Степана Строганова.

— Чего?

— Чего слышал.

Нютка, используя замешательство мучителя, проворно выскользнула из его рук, засемила к той лавке, где лежал Григорий Басурман.

Третьяк долго сотрясал стены ругательствами и обещаниями прибить «однорукого вора» и «строгановскую сучку». Басурман по своему обыкновению не отвечал, только положил под подушку легкий топор да проверил остроту лезвия.

Нютка вытянула шею, глядячи, как ловко мужик это делает.

Потом он мазнул рукой по голенищу сапога — поди, там был нож.

Нютка не смела покинуть место возле ложа Басурмана, где обрела она защиту. Просто сидела, затаившись, и ждала.

Спустя время угрозы и ругань стихли. Захрипело, застонало, зачавкало — Третьяк наконец заснул. Нюта долго ждала, вслушиваясь в нечеловеческие звуки. Наконец осмелилась встать и крадучись, на цыпочках, пойти за малым ножом, что валялся в грязном углу.

Она долго перепиливала веревку, пару раз порезала пальцы, сопела, сдерживала слезы, но не осмеливалась просить о помощи. Наконец пути упали, она утихомирила кровушку холодной водицей и тряпкой, подтащила тюфяк к стене, где

спал Басурман, укрылась облезлой овчиной и, уже погружаясь в сон, прошептала:

— Спасибо... Ежели бы не ты...

Ответа не было, но по дыханию поняла: благодарные слова услышал.

* * *

Милая ты пташечка,
Ты лети на родину,
К матушке родимой,
Принеси ей весточку
От дочурки милой.
Пусть пошлет защитников,
Пусть поможет пташке...
Плачу, заливаюся,
Порвана рубашка.

С той ночи так и повелось: Нютка спала на тюфяке близ Басурмана. Веревка больше не стягивала ее ноги, и вмятины покинули нежную кожу. Не в голос, сердцем пела про пташку, да боялась: ужели с ней случится самое худое?

Нютка стерегла каждое движенье Третьяка, никогда не проваливалась в сон до самого донца, до беспамятства — и вспоминала материны слова: «Бабье ухо чуткое». Пару раз даже будила Басурмана, почувяв какое-то движение среди тьмы, но... То ли Третьяк слышал ее тихий испуганный голос и останавливался, то ли угроза мерещилась.

Что думал однорукий кузнец, она не знала. Басурман скуп был на слова и взгляды, только недовольно бурчал, если юркая девчонка мельтешила под ногами. Нютка радовалась его нежданному заступничеству, покорно склоняла голову и молчала.

Третьяк не успокаивался, все посматривал на нее, будто голодный на жаркое. Если в зимовье они оставались одни, щипал за бока и без всякого стыда обещал «разодрать в кло-чья», а дальше такое, что только уши закрывать.

Нютка знала: мужской голод укротить сложно, не зря все детство слушала разговоры матушки да деревенских баб.

И сейчас рада бы превратиться в замарашку: не сверкать синючими глазами, не перекидывать с плеча на плечо темную густую косу. Старалась как могла: мазала щеки сажей, шмыгала носом как малое дитя и просила о заступничестве Господа.

Молитвы помогали: Третьяк только грозил, на большее не осмеливался.

Сначала Нютка думала, из двух злыдней он главный. Третьяк носил пищаль, саблю и серебряные монеты на поясе. Слышала, это он придумал план похищения Нютки, знал «многих важных людей в Верхотурском остроге», выбирал то самое загадочное сонмище. Но в Басурмане было что-то совсем иное: сила, злость, какое-то иступление, словно нечеловечье.

Матушка с ним венчалась. Значит, по сердцу ей был? Нютка глядела на старого злого кузнеца и удивлялась матушкиной глупости. Таких любить нельзя.

* * *

Рано выпал добрый снег. Он валил густо, будто решил враз из осени сотворить зиму. Нютка потеряла счет дням. Наступил ли Покров Богородицы? Она не осмеливалась спросить о том своих пленителей, училась стряпать хлеб, ощипывать куропаток и жить сегодняшним днем.

Вокруг не было ни души. За долгие дни, проведенные в зимовье, Нютка не видала следов, не слышала человеческого крика — лишь волки выли лунными ночами, тявкали лисицы да щебетали лесные птицы.

— В Турье пойду, скоро не ждите, — сказал Третьяк. Накануне он смазал лыжи оленьим салом, густо, со знанием дела, прихватил кривую палку и увязал суму — готовился к долгому переходу.

На прощание добавил непонятное:

— Казаки понаедут, цена будет доброй. — Потрепал Нютку по щеке, без злости, будто бы с ласковой усмешкой. И ушел в заснеженный лес.

Так в зимовье Нютка и Басурман остались одни.

Он ходил на охоту, приносил зайцев, не успевших обрядиться в зимнюю шубу, — и Нютке было жаль каждого из них. Сама знала, глупость это — жизнь не терпит жалости.

Нютка готовила зайчатину на очаге в старом горшке, добавляла перец из своей котомки, иногда Басурман нанизывал тушки на толстую ветку и крутил, пока мясо не покрывалось хрусткой корочкой.

«А ведь он мог быть моим отцом», — иногда проносилось в ветреной голове. И Нютка радовалась, что родитель ее — крупный, веселый, громкоголосый Степан Строганов, купеческий сын, а вовсе не тать, угрюмый и страшный.

— А ты ловкий, — сказала однажды, глядячи, как он лихо одной десницей управляется с топориком.

— Иди-ка, — молвил Басурман.

Он поставил на чурку махонькое полено, показал Нютке, как верно опускать топор, как двигать руками, как не попасть по своей же ноге. Ей бы сказать спасибо за науку, а Нютка промолчала.

Но все же дни, проведенные без главного злыдня, стали временем спокойствия посреди бури. Веревки не связывали ее руки-ноги, ничей взгляд не ловил всякое ее движение. Однорукий оказался не так страшен.

«Вот бы Третьяк не вернулся... А потом батюшка нашел меня и забрал», — думала Нютка.

2. Сонмище

Осенью 1622 года самые верные люди Степана Максимова Строганова, не оставившие его в бедах и поругании, отправились на поиски синеглазой дочери. И во главе того отряда был поставлен Илюха, сын Семена Петуха.

Так, по разумению Илюхи, должна была начинаться былина, что будут слушать его внуки. Много лет назад, сидя

за прялкой, сказывала ему бабка Маланья — про молодца, что отыскал царевну и получил полцарства.

— Ты рот-то не разевай! — гаркнул Михейка ему прямо в ухо.

Главным Илюха был лишь в своих мечтах — молод еще. Кто ж такого за человека держит? Степан Максимович поставил десятником Михейку, давнего товарища своего, что перешел на службу с отцова двора.

Илюха пнул носком сапога замерзший кругляш лошадиного помета, и тот отлетел на обочину, подпрыгнул и попал в забор.

Да, за эти седмицы проделали такой путь, что дух захватывает.

От Соли Камской до Орла-городка, да с заездом в деревни, села и острожки. Верхнечусовской городок, Верхотурье... Там Строганов велел сыскивать с особым тщанием. «Не будь дурак, туда Третьяк повезет Нютку».

Испросив разрешения у воеводы, ходили по всем дворам и кабакам, расспрашивали служилых, казаков и простых людей: «Не видали девку красивую, с глазами синими? Да двух хромцов — один черный, страшный, без руки; второй неказист, губы узки, взгляд злобен?» И все без толку.

— В Туринск, а потом и в Тюмень поедем. И торговые дела уладим, и сыскивать дочку хозяйскую будем, — решил Михейка. — Бог нам в помощь.

— А ежели здесь она? Чую, не уехали ироды дальше. И хозяин велел... — с такой речью Илюха пришел поздним вечером накануне отъезда к Михейке. — Оставь меня. Я носом землю буду рыть.

— Ишь выдумщик какой. Гляди, нос не сотри, — ухмыльнулся Михейка. Был он мал ростом, Илюхе по плечо. А людей в узде держал крепко.

— Христом прошу, вели остаться. — Илюха чуть не упал на колени перед десятником. Потом решил, много чести казаку захудалому.